

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Государство и будущее после-кризисного анархизма

Эрик Лорсен

2010

Эрик Лорсен
Государство и будущее после-кризисного анархизма
2010

www.zcommunications.org
Перевод с английского.

Эрик Лорсен — независимый журналист, активист и организатор, живёт на Западе Массачусетса. Со-автор книг “Understanding the Crash” (Soft Skull Press, 2010) и выходящей в 2012-м “The People’s Pension: The War Against Social Security Since 1980 (AK Press)

ru.theanarchistlibrary.org

[...]

Дисциплинируя государство

[...] наиболее удивительный факт за последние несколько лет — то, что государство само, кажется, стало объектом жёсткой критики для тех самых элит, которые его контролируют. Два года назад всё, что мы слышали, было об ужасном хаосе, в который нас ввергли банки. Теперь же всё, что мы слышим в корпоративных СМИ — как расточительным правительствам нужно перейти к кризисным бюджетам, урезать социальные службы, разбить профсоюзы и выплатить по долгам, чтобы предотвратить банкротство. И это несмотря на то, что главной причиной их бюджетных дефицитов являются не пенсии для стариков, а коллапс сбора налогов по причине глобальной рецессии. Мы в первый раз услышали об этом в начале 2010-го года, когда странами, на которые совершались нападки, были

мелкие нации вроде Греции, Италии и Ирландия. Теперь мы слышим то же самое о более крупных формированиях, таких как Великобритания, Франция и США.

Примечательной тенденцией, о которой много не рассказывали, было то, что ведущие финансисты стран “большой двадцатки” собрались в октябре, чтобы обсудить как оживить Международный Валютный Фонд. МВФ бездействовал и потерял большую часть своего влияния после того, как Аргентина, Россия и страны Восточной Азии предприняли шаги для окончания своей зависимости от фонда, но вдруг обрёл новую жизнь, когда кризис разразился в Греции. Так, G20 выделили ему ещё больше денег и заявили, что им хотелось бы, чтобы МВФ играл новую роль — роль полицейского, дисциплинирующего страны, которые не содержат свои бюджеты в порядке и не избавляются от таких ненужных мелочей как пенсии и социальные службы. Это включает страны всех размеров, даже самые большие. Ещё не ясно, как G20 реформирует МВФ, но понятно, что цель в том, чтобы использовать его для того, чтобы отдельные правительства с этого момента следовали Вашингтонскому консенсусу ещё более тесно.

Давайте поставим это в контекст. Важно помнить, что государства, в современном смысле, никогда не существовали сами по себе. Начиная с самого их появления в эпоху Возрождения, они всегда существовали как взаимно поддерживающие части одной системы, сначала посредством дипломатических альянсов и сетей полиции, армий и торговой кооперации, позднее — посредством таких организаций как ООН, МВФ, Мировой Банк, Международная Торговая Организация, Варшавский Договор и НАТО. Государства нуждаются друг в друге, чтобы выжить. Огромные финансовые институты являются частью этой системы, ибо служат кредиторами для различных государств. Сегодня, экономический кризис ослабил отдельные госу-

дарства. Финансовые силы, которые обычно выглядывают из-за трона, получают более явный контроль. И так, система государств всё более спланируется и становится более дисциплинирующей. В то же самое время, связь между правительством и бизнесом продолжает размываться. Валютные фонды и центральные банки, самые важные государственные институты современного капитализма, организованы таким образом, что превосходно отражают желания и мысли банков коммерческих. Одной из самых важных тенденций последних нескольких декад является то, что центральные банки полечили большую политическую независимость, сократив объём контроля, которым могут обладать над ними выборные члены правительства.

То же самое происходит и в других частях корпоративного сектора. Наибольшими лицемерами или наибольшими дураками на политической арене сегодня являются консерваторы “малого правительства”, утверждающие, что верят в то, что государство может отказаться от всякого вмешательства в экономику, кроме охраны собственности. Факт тот, что государство и капитализм связаны сегодня более, чем когда-либо, поскольку в таких критических областях как энергетика, аграрный бизнес, транспорт и, конечно, оборона, бизнес зависит от поддержки правительства, правовой защиты и даже защиты физической для того, чтобы существовать и приносить прибыль.

Роль одного отдельного государства, США, развивается по двум примечательным новым путям, оба из которых могут быть сведены к последствиям террористических атак 11.09.2001.

Во-первых, когда ООН согласилась с вторжением США в Афганистан и Ирак, это дало армии США “carte blanche” для того, чтобы стать мировой полицией — что означает, в прогрессе, мировое правительство, нечто, чего Вашингтону хотелось с тех самых пор, как распался Советский Союз.

То, что мы видели как результат — было не только вторжение в две центрально-азиатские страны, но, к примеру, и установление Africom, нового военного штаба США, занимающегося регионом к югу от Сахары. Повод — борьба с терроризмом в таких регионах как Сомали, но главная цель в силовой поддержке корпоративных интересов, надеющихся на эксплуатацию богатых природных ресурсов Африки.

В то же время, армия США становится более агрессивной в Латинской Америке, чем она была на протяжении десятилетий, в надежде восстановить свою гегемонию против таких не-кооперативных государств как Венесуэла, Эквадор и Аргентина. Одна из причин сокращения социальной помощи в США, по предложению таких имперских апологетов как историк Найел Фергусон и политолог Майкл Мандельбаум, заключается в том, что у людей из бедных районов остаётся всё меньше альтернатив военной службе, которой теперь нужно расти, чтобы исполнять свою новую роль.

Но более обширный проект США, как военный, так и политический, в том, чтобы подчинить остаток мира экономическому режиму Вашингтонского консенсуса: территории, которые он до сих пор обходил, Африка к югу от Сахары, Центральный Восток и Центральная Азия. Некоторые государства, которые могли бы послужить противниками, вроде Индии и Бразилии, были кооптированы. Китай едва ли сможет развиваться в серьёзную угрозу для нового порядка, поскольку он состязается за те же потребительские рынки и природные ресурсы, что и США. Другие же, более упрямые, вроде Кубы, Венесуэлы и Боливии, либо слишком малы, либо слишком зависимы экономически от коммерческого экспорта природных ресурсов, чтобы быть серьёзной угрозой.

мигрантов, анархизм может стать настоящей угрозой для государства и снова стать массовым движением.

экономическими тяготами или политическо-военным насилием. Точно как и те, кто жил в трущобах 19-го столетия, которые породили социально-революционные движения 20-го века.

Государство опасается угрозы, но ещё не развило адекватного ответа. В США политическо-корпоративные элиты буквально разделились по вопросу, как справиться с волнами иммигрантов из Латинской Америки, некоторые призывают к перекрытию путей, другие предлагают другие пути, такие, которыми бизнес всё ещё мог бы получать прибыль из этого источника дешёвой рабочей силы. Другой возможный ответ воплощён в стратегиях, которым США следовали в Ираке, что подразумевает изоляцию различных религиозных сект и разыгрывание их друг против друга. Или в Палестине, где Израиль создал практически тюрьмы под открытым небом, чтобы разместить нежелательное население.

Общий знаменатель в том, что эти люди не имеют государства, а государство, на самом деле, не знает, что с ними делать, кроме как удерживать их, насколько это возможно, либо дать им двигаться дальше. Глобальные иммигранты сегодня децентрализованы, часто у них нет лидеров, они живут на краю государственно-капиталистической системы, но культурно, большей частью, они опираются на традиции своих сообществ. Чем анархизм может помочь людям Границы — это то, что он может предложить им как путь через то сложное положение, в котором они оказались — это не-иерархические, кооперативные стратегии организации, которые игнорируют физические границы и уважают специфические нужды и желания этих групп. Если мы сможем трезво пересмотреть наши методы организации и найдём пути, чтобы заставить их работать в практических альтернативах для этой новой нации им-

Второй главной тенденцией после 11.09.2001 является попытка государства более жёстко контролировать передвижение населения, как внутри границ, так и вовне. Это всегда было одной из центральных функций государства и, возможно, самой сложной. После 9-го сентября мы пережили значительный прирост наблюдения. Охрана аэропортов — это один аспект. То же — в интернете. В одной старой песне Нейла Янга есть строчка: “You’ll be watching your TV and it’ll be watching you”, и это прекрасно описывает то, чем занимается сейчас государство при дружественной поддержке Google и других корпоративных провайдеров. Некоторые законодатели из Вашингтона и политики даже говорят всерьёз о затратах на введение системы внутренних паспортов: административная мера, которая в прошлом, казалось, была специфичной для авторитарных стран вроде Советской России или нацистской Германии, но не для “демократических” стран вроде США,

Государственная секретность возросла также. Всё больше того, что государство знает и чем занимается, недостижимо для нас после возросшей “безопасности” после 9-го сентября: “привилегированная” информация в любом смысле этого слова. Государственная власть, также, принимает всё более личный, диктаторский характер, поскольку главы государства получили новые полномочия за годы после 9-го сентября. Так что, даже если Вашингтонский консенсус и государственная система расширяют своё влияние, они также углубляют и укрепляют его.

Вызов Границы

Как анархисты, мы должны подробно рассмотреть ключевые глобальные реальности, материализовавшиеся за последние 30-40 лет: коллапс социального государства и подъём Вашингтонского консенсуса, восстания коренного населения по всему миру и огромный прирост глобальной миграции.

Экономический кризис создал для правительства возможность усилить нападки на социальную систему, упраздняя ещё одно извинение тех, кто обманывает себя в том, что государство может быть инструментом позитивных изменений. Корпоративный контроль над государством, в частности финансового сектора, становится более явным в свете финансовых сокращений два года назад, и — предсказуемо — растёт и общественный цинизм касательно “демократической” политики. Средний класс, возросший на учреждениях государственной благотворительности, находится теперь под давлением в США и повсюду. Большинство среднего класса, похоже, пролетаризуется в последующие годы и десятилетия, какие бы иллюзии не питали энтузиасты Tea Party.

Реальным лицом сопротивления и, возможно, восстания, я считаю, является Граница. Под этим я не подразумеваю актуальные границы политических формаций вроде США, Израиля и членов Европейского Союза с их цементными барьерами, тщательно патрулируемыми береговыми линиями и военизированной политикой, но и учреждения, созданные ими для контроля иммигрантского населения, вроде INS detention centers, потогонки, сообщества, окружающие Maqualiadoras, псевдо-безгосударственные регионы вроде Сомали, пограничные регионы таких пористых государств как Пакистан, Бирма и Индия, зоны коренного населения вроде Чиапас, Оаксака и территория Палестины и трущобы Латинской Америки. Сообщества бездомных и потерявших свои дома семей показывают, что эту страну можно также рассматривать как часть этого архипелага сопротивления, поскольку государство более не рассматривает их как производственные единицы, а как население, которое нужно контролировать.

Граница — как я её определяю — уникальна, т.к. государство и система государств никогда не были в состоянии

опережать её хоть на шаг. Новая глобальная миграция создала огромное, сконцентрированное население из культурно разрозненных, зачастую обнищавших людей, чьи передвижения непредсказуемы и социально и культурно в движении. Государство не может контролировать это население иначе, кроме как насилием. Миграция давит зарплаты вниз, что является хорошей новостью для корпоративной экономики. Но она также создаёт потенциальные сообщества людей, которые не были социализированы в капитализме и могли бы создать вместо него собственные экономические и политические решения.

Почему я это подчёркиваю? Отчасти потому, что мы видели это и раньше. Анархизм стал массовым движением в Западной Европе в начале и в середине 19-го века, когда возникли действительно национальные рынки в странах вроде Германии, Франции и Италии, а люди, которые жили лишь в одном определённом регионе сотнями или даже тысячами лет, вдруг начали свободно передвигаться в поисках работы. Революционные экономические теории зародились в этих группах и укоренились в них, поскольку они знали, что должны создать альтернативу отчуждённому и даже смертельным условиям, с которыми они сталкивались в крупных промышленных городах.

Тот же вид культурно-политической связи и замены происходит сегодня на глобальном уровне, когда границы и население становятся больше, менее предсказуемыми и менее управляемыми для государства. Почти 190 миллионов человек, почти 3 процента мирового населения, жили в 2005-м году вне страны своего рождения, беспрецедентная цифра. Один миллиард человек по всему миру живёт сегодня в городских трущобах; ожидается, что число это удвоится в течение следующих 20 лет. Многие из этих людей всё ещё живут в странах своего рождения. Многие живут в других странах. Все были согнаны со своих коренных земель